

ЗАПИСКИ РУССКОГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА

Писатель Юрий Пахомов в прошлом был главным эпидемиологом Военно-морского флота СССР. По роду своей деятельности ему приходилось работать во многих экзотических странах мира. О своей работе во Вьетнаме в конце семидесятых годов прошлого века, когда эта небольшая страна только что отразила военную агрессию своего северного соседа – Китая, он написал заслуживающие внимания воспоминания. Эти записки мы и предлагаем вниманию читателей.

ЮРИЙ ПАХОМОВ

ВЬЕТНАМ: ОТ ХАНОЯ ДО КАМРАНИ

...Во Вьетнам мы летели большой командой. Группой руководил вице-адмирал Юрий Алексеевич Кузьмин. Специалисты с Тихоокеанского флота должны были присоединиться к нам в Камрани. В аэропорту Ханоя нас встречали официальные лица – гражданские и военные. Среди встречающих своей развязностью выделялся референт из посольства, рубаха-парень лет тридцати, с брюшком, какой-то весь мятый, со съехавшим набок галстуком. Он каплей ртути перекатывался среди нашей группы, его голос слышался то здесь, то там.

– Товарищи, я приветствую вас на вьетнамской земле. Мне поручена роль вашего чичероне. Какие будут вопросы, недоразумения – сразу ко мне. Зовите меня Григорий, просто Гриша, – он радостно светился. – Замечательно, что вы приехали в дни, когда героический вьетнамский народ празднует победу над китайскими ревизионистами.

Влажная духота, острые запахи, яркие краски. Кортёж автомобилей двигался мимо плантаций сахарного тростника, рисовых полей, деревень, озёр, где крестьяне в остроконечных соломенных шляпах ловят улиток и собирают съедобную траву, мимо лоснящихся буйволов, забравшихся в воду – только рога и ноздри торчат.

На мосту через Красную реку – затор. Поток велосипедистов, пешеходов, автомобилей движется медленно. Вода в реке и в самом деле красная. Гриша, трясая щеками, громко говорил:

– Во время войны американцам так и не удалось разбомбить мост, только один пролёт повредили. Видите, вон там, внизу, рядом с опорами, галечный островок? Вьетнамцы на нём пленных американских летчиков держали. Начнёшь бомбить или обстреливать мост ракетами – обязательно в пленных угодишь. Их к тому же рацией оснастили. Американские самолёты заходят на бомбометание, а им по рации: “Братцы, вы же по нам сейчас шлёпнете!”

Сколько потом я ни пытался обнаружить во Вьетнаме следы войны – не нашёл. И инвалидов ни разу не видел. А уж американцы крепко поработали, ковровое бомбометание по площадям с Б-52, старики, дети – всё одно...

Нас разместили в бывшей резиденции французского губернатора. Номера на двоих, койки под сетчатыми пологам, вместо горничных – хорошенькие девушки в военной форме: белые блузки с красными погонами, чёрные лёгкие брюки, босоножки. В номер заходили только вдвоем. Внесут термос с зелёным чаем, фрукты, минеральную воду – и долой. Сувениры и подарки следовало отдавать старшей по званию – всё шло в “общак”, а уж потом распределялось среди девушек.

Двери гостиницы выходили в лоджии, тянущиеся вдоль всего здания, внизу лежал ухоженный сад: пальмы, фикусы, раскидистые, с лаково отсвечивающими листьями деревья, увешанные крупными плодами грушевидной формы, оказалось, что это хлебное дерево. Дорожки аккуратно посыпаны гравием – и цветы, цветы самых невероятных расцветок, над которыми порхали крупные бабочки. Райский уголок. Меня и заместителя начальника полиуправления ВМФ Николая Михайловича Карлова поселили в крайнем номере, с окном, выходящим в торец, от остальных номеров он отличался тем, что в нём была кладовка, куда мы сложили ящики с сувенирами, агитационной литературой. Карлова я знал давно, вместе бедовали на острове Дохлак в Красном море, когда работали в Эфиопии.

Перед тем как разместиться, я позвал Колю в ванную комнату и открыл воду.

– Что за шпионские игры? – удивился Николай. – Мы же в дружественной стране.

– Бережёного, как известно, Бог бережёт. Давай все же осмотримся на предмет “жучков”. Будем, по крайней мере, знать, как себя вести.

– Ну, ты даёшь!

Через пять минут я обнаружил “жучка”, грубо вмонтированного в нижнюю часть столешницы чайного столика.

Николай побагровел:

– А что же этот посольский олух, Гришка, нас предупредить не мог?

Я приложил палец к губам. Мы вернулись в ванную комнату, открыли кран, вода с шипением устремилась в раковину.

– М-да-а, весёлая история, – протянул Николай. – Нужно будет нашим мужикам сказать, чтобы языком попусту не мололи.

– Согласись, у вьетнамцев есть основания не доверять чужеземцам. Тридцать лет непрерывных войн...

– Мы же к ним с открытой душой!

– Политика...

Теперь каждое утро, едва выпутавшись из накомарника, я устремлялся к столику, где был вмонтирован “жучок”, и громко заявлял: “Замечательная страна Вьетнам!” Николай тут же отзывался со своей койки: “Наша дружба с Вьетнамом на века!” Представляю, что о нас думали ребята, что писали наши разговоры на плёнку.

Кормили нас, как полагали вьетнамцы, адаптированной к русской кухне пищи. Курица в различных видах, рыба, отварное мясо с ананасами, борщ со сладким бататом, ну и, конечно, рис. Не обошлось без курьёза. Как-то на ужин подали блинчики “по-сайгонски” на большом керамическом блюде. Маленькие, величиной с карамельку, блинчики оказались необыкновенно вкусными. Полковник-инженер Годенко спросил у переводчика-вьетнамца, из чего делают блинчики. Тот с удовольствием стал объяснять:

– Значит, та-ак. Берется рисовая мука, пальмовое масло...

– А начинка из чего?

– Не знаю, как по-русски... Такое большое-большое, – он жестами изобразил хищный рот и длинный хвост.

Инженер побледнел и стал выбираться из-за стола. Когда он, слегка пошатываясь, пересекал столовую, переводчик вдогонку ему радостно сообщил:

– О, вспомнил! Это варан!

Судя по звуку, Годенко так и не успел добежать до туалета. Когда вьетнамцы, простившись, покинули нас, руководитель группы Юрий Алексеевич Кузьмин спокойно подытожил:

– Есть, что дают, и не спрашивать. Ясно?

До обеда – деловые встречи, меня опекает майор медицинской службы Тхиу. Он окончил нашу Военно-медицинскую академию, неплохо говорит по-русски. Во время официальных переговоров сдержан, тоже знает, что “па-

сут”, несколько расслабляется, когда выходим пройтись по парку. Умный, с хитринкой, хорошо подготовленный специалист. Обо всём, даже неприятном, говорит с улыбкой. Все мои попытки выбить у него нужную информацию заканчиваются полной неудачей. Я потом не раз сталкивался с тем, что вьетнамские коллеги уходят от разговоров об эпидемической обстановке в стране, заболеваемости среди населения. В желании сохранить “тайну” они, пожалуй, даже нас превосходили.

После обеда гуляем по Ханюю: озеро Возвращённого меча, пагоды, ювелирный магазин “Три мадам”, популярный среди русских, местный театр, однажды вечером нас даже повели в цирк. Город, наполненный шелестом велосипедных шин и ощущением тревоги.

Любопытен старый французский квартал, где колониальный архитектурный стиль перемешался с барокко, классицизмом и национальным вьетнамским стилем. Интересны названия улиц: Тростниковая, Шёлковая, Храмовая, Шлепанцевый переулок. Есть даже улицы Пищи, Гробов и Бумаги.

Представитель аппарата главного военного советника, по-видимому, офицер КГБ, дважды инструктировал группу, указав, что можно, а что нельзя во Вьетнаме. Всё свелось к бдительности, особенно он напирал на опасность, исходящую от местных китайцев — хуасяо.

Как-то нам с Карловым удалось сбежать, оторвавшись от “хвоста”. Зашли на ханойский рынок Донг Хуан. Ничего подобного не видел даже на знаменитом рынке в Аддис-Абебе. Особенно поразили ряды, где торговали живностью. Аквариумные рыбки, разнообразные птицы, обезьяны, зверьки, похожие на сурков, гигантские вараны в железных клетках, змеи. И всё это булькало, шелестело, цвиркало, шипело, повизгивало, и запах стоял острый, звериный. Пожилая китайка-хуасяо сидела на корточках перед тазом с мутной водой. Я подошел, заглянул в таз — что там? Китайка улыбнулась беззубым ртом и извлекла из жижи двух упитанных лягушек.

— Коля, — предложил я Карлову, — надоела казённая жратва, давай купим парочку на ужин? Сварим в электрочайнике.

Карлов побледнел, издал странный горловой звук и тихо сказал:

— Ну, ты и скотина, Юра. В чайнике! Надо же такое придумать. Я чуть не траванул!

В Африке, где, казалось бы, присутствовал весь набор тропических болезней, все же было проще разобраться со всякого рода экзотикой. Вьетнам преподнёс куда больше неожиданностей. Где-то на третий или четвертый день в Ханое я стал отмечать, что офицеры, входящие в группу, подавлены, молчаливы, раздражительны. То и дело вспыхивали мелкие ссоры. Ни в Бербере, ни на Дохлаке ничего подобного не было. Влажность поразительная. Я ещё в день прилета обратил внимание, что в платяных шкафах и ящиках для обуви круглые сутки горят электрические лампочки. Стоило на ночь их отключить, как одежда и обувь покрывались зловещей зеленой плесенью. Привезенный из Москвы черный чай “Слон” стал издавать отвратительный гнилостный запах — пришлось выбросить. Даже водка, наша проверенная “Столичная”, почему-то не веселила, а вызывала депрессию. Стоило вечером выпить грамм сто пятьдесят, утром разламывалась голова. Многие мучились от бессонницы. Спать под накомарником душно, стоит отбросить полог — сожрут комары, москиты, а каждый укус таит в себе серьезные неприятности: малярию, лихорадки денге, цу-цу-гамуши. Я решил посоветоваться с посольским врачом. Полный молодой человек только развёл руками:

— Что вы хотите? Ханой стоит в климатической яме — отсюда депрессии, всякого рода невротические состояния. Симптоматика усиливается во время метеорологических бурь, тайфунов. К тому же сейчас по лунному календарю второй июль — самый опасный месяц для европейцев. — Он потёр пухлые щеки. — Мы-то привыкли, адаптировались, а что творится у наших танкистов! Офицеры и солдаты поголовно поражены “панцирной грудью”.

— Это ещё что такое?

— Личный состав работает с техникой, соляр, масло, ну и потеют, конечно. Поры забиваются грязью, инфекция — в результате на груди слитая корка. Зуд такой, что люди на стену лезут. Спасение одно: струя горячей воды на пораженный участок. А в душевых вода едва теплая. Танкисты специальный подогреватель сделали, тем и спасаются.

— Ну, а почему русская водка настроение не поднимает?

– Потому что сучок! Оставьте “Столичную” до Камрани. Там сгодится. А здесь я постараюсь вашу делегацию обеспечить синими картами.

– Что за карты?

– Пропуска в дипмагазин. Там хорошая вьетнамская рисовая водка, ликёры. Цены умеренные. В Ханое только местные напитки можно пить. Чай – исключительно зелёный.

– А как с эпидемической обстановкой?

– От неустойчивой до чрезвычайной. Но местная сторона всё скрывает. Получить информацию сложно. Инфекции развиваются стремительно. Знаете, как вьетнамские партизаны боролись с американскими морскими пехотинцами? Ловушки ставили на тропе в джунглях. Ямку выкопают, острый колышек из бамбука макнут в дерьмо и воткнут рядом. Морпех в ямке поскользнётся, сядет на колышек – и через три дня его отправляют в Штаты с обширным абсцессом. Дёшево и сердито. Мне тут статистика попала. Во Вьетнаме в прошлом году зарегистрирован один случай инфаркта миокарда. И у кого? У министра. У населения холестерин всегда в норме, потому что травку кушают, фрукты и овощи, а министр, надо думать, на копчёную колбаску налегал. Так-то, коллега.

Информацию о загадочной стране я собирал по крохам. В институте эпидемиологии и гигиены в Нячанге меня приняли очень тепло, напоили чаем и... ничего не показали. Нет данных, война, то, сё. И всё с милыми улыбками. Потихоньку пополнялся писательский блокнот, из которого потом выросла повесть.

Николай Михайлович Карлов ещё в Эфиопии сделал меня своим заместителем. В мои обязанности теперь входили поездки на пункт связи за свежими газетами, почтой. Иногда, заменяя Николая, приходилось выступать перед вьетнамскими студентами и школьниками, изучающими русский язык.

Незадолго до вылета в Камрань в саду резиденции я встретил специального корреспондента газеты “Известия” Сергея Колесниченко. Год назад, зимой, нас познакомили в “пёстром” зале Центрального дома литераторов – симпатичный, без гонора мужик, чуть старше меня. Среди бледнолицых москвичей и гостей столицы Сергей, загорелый и белозубый, выглядел инопланетянином. Оказалось, вчера прилетел из Бирмы. Потом мы перезванивались

Я бы Сергея не узнал: тропическая форма, какую носят военные советники, тёмные очки, пробковый шлем. Он сам окликнул меня:

– Юра, ты?

Я с недоумением глянул на него. Советник снял очки и улыбнулся. Улыбка его вернула мне память.

– Вот так встреча! Ты же вроде в Бирме?

– Теперь здесь аккредитован. Сегодня улетаю на север, в провинцию Лонгшон.

– Очерк о завершении победоносной войны?

– Что-то в этом роде. Ты, как я понимаю, в Камрань?

– Да, закончим предварительные переговоры и туда.

– Будь осторожен, в Камрани только приступили к разминированию. Берег моря, причальные сооружения почистили, а чуть дальше можно налететь на сюрприз. Если я успею вернуться к вашему отлёту, полетим в Камрань вместе.

– Хорошо бы.

– Вам ещё долго торчать в Ханое. На Шёлковой улочке есть ресторанчик, где готовят змей. Обязательно сходим...

Закончив бумажную волокиту, наша группа вылетела в Дананг. Над древнейшим городом культуры Ша Гуань висела сизая морось. Влажность была осезаемой, плотной, дышалось, как сквозь марлевую маску.

После обеда гуляли по парку с диковинными растениями, я протянул руку к безобидному кусту, и плотный зелёный бутон мгновенно открыл свою пасть. За деревьями парка проглядывали жёлтые и зелёные горы, над которыми бугрились облака – это напоминало вьетнамскую лаковую живопись. Карлов решил сфотографироваться с двумя красивыми, хорошо одетыми вьетнамками, обмахивающимися веерами на скамейке. Они с радостью согласились. На лице вьетнамского чиновника, сопровождавшего нас, возникло растерянное выражение. Он хотел что-то сказать, но не успел. Карлов уселся между красавицами и обнял их за плечи, щёлкнула камера. Гриша – наш вездесущий чичероне – с усмешкой заметил:

– Памятная фотография, прямо в личное дело. Ваш каперанг сфотографировался с профессиональными проститутками, обслуживающими иностранцев. В этом парке им разрешено работать. А вообще проституции в стране нет. После победы над американцами всех проституток согнали в совхозы на трудовую повинность. Под Сайгоном несколько таких совхозов.

Я передал Карлову слова Гриши, Николай отмахнулся:

– Да пошёл он... Ходит тут, трясёт штанами. Что крамольного в фотографии? Счастливые вьетнамские девушки с русским моряком. Наша дружба – на века.

Затем нас повезли смотреть знаменитый храм, высеченный в скале. Сначала мы долго взбирались наверх, среди оглушающего зноя, звона цикад, оставляя внизу долину Пятигорья, потом спускались по осклизлым ступенькам. Пахло сыростью подземелья, по мере того как отступал зной, мы как бы погружались в прохладную воду. И вот в свете факелов открылся огромный грот, верхняя часть его терялась в сумраке, с писком носились летучие мыши, камни сочились влагой, и не верилось, что храм в скале – дело рук человеческих. “Это единственный в мире храм, где есть лежащий Будда”, – пояснил Гриша. По узким, вырубленным в скале ступенькам я поднялся в нишу, ничего не увидел и, шаря в темноте руками, вдруг наткнулся на огромное ухо с удлинённой мочкой. В ужасе отпрянул, мгновенно покрывшись потом. Раздался звук, тонкий, звенящий. Он падал сверху, выстраиваясь в мелодию. Пятясь, ощупью отыскивая ступеньки, я торопливо, подгоняемый безотчетным страхом, спустился вниз и остановился, пораженный: у стоп Будды стоял мальчик лет десяти и играл на свирели. Трепещущее пламя факелов высвечивало загадочный лик божества. Мальчик походил на библейского пастушка. Звук свирели рождал успокоение, прохладу.

И каким ярким, радостным показался мир вокруг, когда мы выбрались наверх уже с другой стороны скалы и оказались на плоской вершине, поросшей цветущими деревьями.

Ночевали в гостинице, где по стенам ползали розовые ящерицы. Ящерицы не боялись людей, охотясь на насекомых, они иногда забирались в постель. Утром полковник-инженер Годенко обнаружил в носке жука величиной с два спичечных коробка и заорал так, что коридорный с перепугу уронил поднос с термосом и чашками. Все потом потешались над инженером, тот отбивался:

– Что ржётё? Боюсь я эту нечисть, ничего с собой поделать не могу.

В полдень мы уже были на военном аэродроме, где у ангаров стояли новенькие “Миги”. Ободранная “Аннушка”, на которой нам предстояло добираться до Камрани, скромно приткнулась у края взлётной полосы. Летели часа три, внизу, в прорехах облаков остро посверкивало море, серо-зелёное, гладкое. Молоденький вьетнамский солдатик принёс термоса с чаем и кружки. В салоне было прохладно. Мухи с тупым звуком бились о плексиглас иллюминаторов. Из кабины пилотов вышел худенький, изящный пилот и что-то сказал переводчику.

– Переводи, – приказал вице-адмирал.

Переводчик, улыбнулся, потёр руки:

– В районе Камрани грозовой фронт. В это время года иногда случаются тайфуны. Возможно, нас посадят в Сайгоне, то бишь в Хошимине.

– И чему ты радуешься?

– Пивка попьём, по магазинчикам прошвырнёмся.

– По магазинчикам! Переведи: нам срочно нужно в Камрань.

Пилот внимательно выслушал и кивнул. Видно, ему приходилось сажать самолёты в любую погоду.

Грозовой фронт отвернул на юго-восток, но потрянуло нас основательно. В иллюминатор было видно, как по плоскостям пробегают голубые змейки электрических разрядов.

Камрань встретила сухим зноем и тонким мелодичным посвистыванием. И это было не пение птиц, такой звук издаёт “поющий” песок. Я вдоволь наслаждался этого пения на Дохлаке. Среди радужно поблескивающих луж важно прогуливались грифы. Нас посадили в длинный зеленый автобус. На потолке и стенах салона сохранились надписи на английском: “Осторожно с оружием!”, “Возьми на предохранитель!” На этих автобусах подбрасывали к вертолётам американских морских пехотинцев, отправляющихся на кара-

тельные акции. Мимо проплыли вышка диспетчеров, капониры, а в них – американские вертолётчики с белыми звёздами на фюзеляжах. Справа, среди пальм, на берегу моря показался игрушечный городок с одноэтажными разноцветными бунгало. Рядом – декоративные пагоды, спортивные площадки. Переводчик пояснил, что в городке жили американские лётчики с семьями. Бунгало вполне комфортабельные, с мебелью, кондиционерами, холодильниками. Сейчас, понятно, там только ящерицы да змеи. Такие домики я видел и в Асмаре.

Группу разместили в бывшей американской казарме. Стандартные, на четверых, комнаты, койки под сетчатыми пологам, туалет и умывальник внизу. В палисаднике среди зарослей бродят птицы, похожие на цесарок. Напротив – казармы, где живут вьетнамские моряки. Поступила информация, что среди них есть заболевшие лихорадкой денге, отмечены случаи со смертельным исходом. Комаров – переносчиков лихорадки – полным-полно, а защиты от них, кроме сетчатых пологов и репеллентов, никакой. Руководство предпочло устроиться на небольшом судне, ошвартованном у причала. Там же обживали каюты строители и проектировщики, прибывшие с Тихоокеанского флота. Преимущества очевидные: на судне кондиционеры, душ, с водой проблем нет.

Капитан второго ранга из штаба тыла Тихоокеанского флота с раздражением рассказывал:

– Наше правительство отправило во Вьетнам сухогруз с рисом – дар вьетнамскому народу. В Дананге у капитана сухогруза потребовали оплатить пошлину на ввозимый товар. Капитан ошалел: какая пошлина? Это же подарок вам! Ни до чего не договорились. Пришлось платить. Ничего, мы страна богатая.

Нас ожидал пышный приём в просторном зале офицерского клуба. Такого экзотического стола мне еще не приходилось видеть: запечённые, с золотистыми гребешками фазаны, рыба под бледно-желтым соусом, мидии, ошкетинившиеся усами и клешнями розовые лангусты, мясо, экзотические фрукты. А посреди этого великолепия голубые тарелки из тонкого фарфора, наполненные чем-то, напоминающим содержимое аквариума. Потом выяснилось – черепаховый суп. Напитки – соответственно уровню приёма. Натюрморт в стиле старых фламандцев.

Под потолком вяло вращал лопасти вентилятор, с трудом рассекая плотный жаркий воздух. Меня смутил сладковатый трупный запах, волнами перекачивающийся над роскошно сервированным столом. Запах заметил не только я, но никто не подал виду. Недоброкачественные продукты? Особенности вьетнамской кухни? Сомнительно. Безопасность таких приемов обеспечивают спецслужбы. Тогда что? Всплыл в памяти недавний разговор с нашим куратором Гришей. “Чтобы обеспечить безопасность строящейся в Камрани базы, власти в том районе провели тотальную санацию”, – сказал он. “Что это значит?” – удивился я. “Расстреляли местных сторонников американского режима. Здесь это просто”. Может, расстрелянных погребли где-то рядом?

Пока говорили тосты, пока их переводили, я осторожно пододвигал тарелки с яствами и нюхал их. Все в порядке. Но ощущение, что разлагающийся труп лежит под столом, не покидало меня. Виски в сочетании с пивом сыграли роль дезодоранта, к тому же все проголодались. Уже под занавес приема вьетнамский старший полковник (четыре больших звёздочки), оглядев опустошенный стол, огорченно заметил:

– Почему же вы не попробовали наш знаменитый соус тык-нам? Уверю вас, ничто так не укрепляет силы в нашем климате, как этот соус. Его рецепт получен несколько столетий назад.

Я пододвинул керамическое блюдо с прозрачной жидкостью, в которой плавали стручки красного перца, и понял – вот он, источник трупного запаха. Полковника поблагодарили, но пробовать никто не решился. Недели через две, уже в Ханое, я ехал на узел связи за почтой и свежими газетами. Слева голубело море, справа лежали рисовые поля, рассеченные каналами. Было душно, я опустил боковое стекло, и сразу же в лицо пахнуло знакомым запахом.

– Тык-нам? – спросил я.

Водитель, вьетнамский солдат, радостно закивал.

– Сворачивай! Посмотрим, как его изготавливают.

Водитель меня понял, и минут через десять мы уже подъезжали к небольшой гавани, где у причала стоял рыболовный траулер, с него выгружали рыбу. Технология изготовления знаменитого соуса была на изумление проста. В три бетонных с отверстиями желоба, расположенных один под другим, небольшим экскаватором загружалась рыба, на солнце рыба быстро разлагалась, слизь по специальному отводу стекала в резервуар, ее фильтровали, добавляли перец — и соус готов. Забегая вперёд, скажу, мы вскоре привыкли к тык-наму, всегда добавляли его в рис.

Утром группа, в которую входили геодезисты, проектировщики, строители, выехали на рекогносцировку. Я поехал с ними. Группу охраняло отделение вьетнамских солдат. Автобус, подсакивая на выбоинах, свернул на широкую, хорошо укатанную дорогу. Слева море, изувеченный пирс, груды железного, покрытого яркими пятнами ржавчины, хлама. Среди зелени — брошенная американская техника: коробка разбитых бронетранспортеров, громоздкие танки без башен, справа — невысокие холмы. Офицер-вьетнамец, хорошо владеющий русским, сказал, что база ещё не полностью разминирована, перемещаться нужно, соблюдая осторожность. Кроме мин, много неразорвавшихся боеприпасов. Партизаны взорвали американский склад с оружием, и снаряды, шариковые бомбы, гранаты разлетелись на десятки метров вокруг.

Недавняя война ощущалась на каждом шагу. От военного городка с казармами, госпиталем, лазаретом, складскими помещениями остались лишь фундаменты из дикого камня и цемента. Из фундаментов торчали металлические штыри. Полковник-инженер пояснил:

— На фундаментах американцы устанавливали модульные конструкции. Завозили их из метрополии. Что-то вроде детских конструкторов. Собрал, установил кондиционеры, подвел электричество, воду — готово. Когда американцы покидали Камрань, они разобрали модули, погрузили на суда и увезли. Они денежки умеют считать.

— А как американцы решали вопрос с водоснабжением? — спросил я.

— По моим данным, у них было около ста скважин, все автономные, с насосами, компактной системой очистки и обеззараживания.

— Нужно использовать их опыт.

— Нужно. Только у нас ни модулей таких нет, ни оборудования. Водовод придётся тянуть из озера, к нему мы скоро поедем. Вода агрессивная, трубы будут быстро выходить из строя, и сколько их понадобится — подумать страшно.

Возвращаясь к автобусу, мы медленно брели по песчаному откосу, стараясь ступать след в след вьетнамским солдатам. Отделение растянулось цепочкой впереди, метрах в пятидесяти. Если солдат наступит на мину, нам достанутся лишь мелкие осколки. Тоже не сахар, но всё же...

В салоне автобуса было душно, в воздухе плавали золотистые пылинки, пахло чужим потом, ношеной одеждой. Ехали минут двадцать. Солнце палило нещадно. Наконец автобус остановился, мы вышли и, разобравшись по одному, начали восхождение на сопку, на вершине которой стояла вилла президента Никсона. Рядом с виллой — пресноводное озеро, которое может быть использовано как источник водоснабжения. Воды вряд ли хватит на весь городок, первая ветка протянется к причалам, чтобы снабжать водой корабли и суда.

Параллельно с тропой дыбилась, как застывшая лава, дорога, покрытая асфальтом. Вьетнамец пояснил, что дорогу к вилле американцы построили всего за один день, перед приездом президента в Камрань. На песок укладывалась специальная ткань, поверх неё — асфальт. Так что не только у нас красят заборы к приезду начальства!

Слева и справа от тропы, проложенной минёрами, валяются гильзы от снарядов. Но меня интересовали норы. В норах живут песчанки. Если чума возникнет среди этих симпатичных зверьков, могут заболеть и люди. На юге Вьетнама есть природные очаги чумы.

Вот мы и на вершине. Среди тропических зарослей торчат дулом к небу ржавые стволы зенитных установок. От виллы Никсона остались одни обломки — её взорвали партизаны. Странно выглядит холодильник, отброшенный взрывной волной и теперь мирно стоящий на солнцепеке. Что-то сходное с картинами сюрреалистов. Сверху открылся вид на озеро, окаймлённое

песчаным пляжем. У деревянного помоста валялась искореженная вышка для прыжков в воду, повсюду следы бессмысленного, жестокого разрушения. В кустах стрекотали какие-то жёлтые птички, горизонт был плоск, пустынен. На обратном пути я нашёл новенькую американскую винтовку. Офицер-вьетнамец с презрением сказал, что винтовка – ерунда, а вот автомат Калашникова – вещь. У офицера тонкое интеллигентное лицо, он образован, кроме русского, владеет французским языком. Возраст его определить трудно, во всяком случае, круто за сорок. Он ещё мальчишкой воевал с французами, всю войну с американцами провёл в джунглях Меконга. Больше всего он любит стихотворение Симонова “Жди меня”. “Я восемь лет не видел сына, – с горечью сказал он мне, – когда уходил на войну, ему было несколько месяцев, когда вернулся, он уже ходил в школу”.

Россияне нередко судят о вьетнамцах по жуликоватым торговцам, что в последние годы наводнили нашу страну. Это не настоящие вьетнамцы. Настоящие – гордый, красивый и очень работающий народ.

Следующий этап рекогносцировки – взлётно-посадочная полоса и обследование места, где со временем вырастет лётный городок. Сопки, дюны, дорога, пробитая среди них, пустынное пространство взлётно-посадочной полосы, изуродованной рытвинами и воронками. Автобус, дёрнувшись, остановился.

Я поднялся на вершину песчаного холма, поросшего каким-то синеватым марсианским кустарником, внизу пузырилось болотце, к нему, неуклюже ковыляя, тащился, волоча хвост, варан. Розовое небо истекало зноем, над аэродромом дрожало, струилось марево. Передо мной расстилалась пустыня. Кое-где песок так затянул бетонку аэродрома, что её и видно не было.

Возможно, что это был тот самый холм, куда в 1995 году, при заходе на посадку, врежутся три истребителя Су-27 из эскадрильи “Русские витязи”, возвращающиеся домой с аэрошоу в Малайзии. Асы погибли из-за глупости руководства. В Москве решили сэкономить на топливе, дозаправить самолёты не у иностранцев, а в Камрани, а радиолокационный пункт “Витязей” проморгал, их не вёл, и пилотам пришлось самим выкручиваться в незнакомой обстановке.

Прилетел Колесниченко. Сидели на скамейке в саду. Неподалеку важно прогуливались цесарки, перья их отливали золотом. Среди зарослей видна была кровля казармы, в которой жили вьетнамские моряки. Сегодня рано утром я видел, как из казармы выносили носилки с трупами моряков, умерших от лихорадки денге. Сергей закурил и с горечью сказал:

– Маленькая война – тоже война.

– А могла быть большая?

– Могла. Хронология такая: к февралю семьдесят девятого года отношения с Китаем окончательно испортились. Срок традиционного договора о дружбе и сотрудничестве истёк. Ден Сяопин заявил о готовности Китая к полномасштабной войне с нами. На советско-китайской границе была сконцентрирована полуторамиллионная китайская армия, с нашей стороны в полной готовности развернули свыше сорока дивизий.

Но сначала китайцы решили наказать непослушный Вьетнам за свержение режима Пол Пота. Семнадцатого февраля семь китайских корпусов вторглись во Вьетнам. Вьетнамцы сражались мужественно. За тридцать суток конфликта китайцам удалось продвинуться лишь на восемьдесят километров. Опасаясь удара с нашей стороны, китайцы вывели свои войска, понеся большие потери. Когда мы прилетели, в Лонгшоне ещё грохотали орудия.

– И ты напишешь об этом в своем очерке?

– Нет, конечно. Зачем пугать обывателей тем, что мы были на грани третьей мировой войны? Напишу о героизме вьетнамцев. Ведь китайской армаде противостояли одна регулярная дивизия, пограничники и народные ополченцы.

– А наши советники?

– Само собой.

В Камрани порядок переговоров изменился, в Ханое мы работали в составе делегации, протокол на протокол, всегда можно было проконсультироваться с руководством по тому или иному вопросу. Здесь вьетнамская сторона предложила, чтобы переговоры велись между специалистами, а материалы уже корректировались при подготовке рабочего договора. Нас с Тхуи

разместили в беседке, стоящей в саду. На столе два флажка – советский и вьетнамский, два блокнота, ручки, пачка сигарет, термос с зеленым чаем. Из кустов, где трещали цикады, волнами накатывал горячий воздух. Я так уставал, что сил хватало добраться до казармы, вылить на голову таз холодной воды и забраться под накомарник. Где-то на третий день Тхиу, прощаясь, похлопал меня по заднице. Я был потрясён. Вьетнамский коллега как бы говорил: ничего, мол, у тебя, голубчик, не выгорит. Переговоры шли трудно, Тхиу требовал то одно, то другое, я, как мог, отбивался. Установка была такая – много не обещать. Выходит, я где-то промахнулся, показал свою несостоятельность. Необходимо было срочно уведомить руководителя делегации. Подавленный, плелся к причалу, к плавмастерской, где развернут наш штаб. По дороге встретил Сергея Колесниченко.

– Юра, ты чего такой мрачный? Нездоровится? Пошли ко мне, у меня бутылка виски припрятана. С содовой да ледком – самое то.

Я рассказал о том, что произошло.

Сергей рассмеялся:

– Радоваться нужно такой удаче.

– Чему радоваться?

– Шлепок – проявление дружеских чувств. Чем-то ты пронял Тхиу, понравился ему. А значит, он тебе доверяет. Для дипломата – серьёзная удача. Завтра преподнеси Тхиу презент. Я тебе подберу и скажу, как это сделать. Здесь, на востоке, большое внимание уделяется ритуалам, поведению человека. Старайся чаще улыбаться и не садись с Тхиу рядом.

– Не понял.

– Запах белого человека неприятен вьетнамцам. Вида он, конечно, не подаст, но зачем рисковать?

– Почему же нас не инструктируют?

– Комитетчики не знают нюансов, Я же в Индокитае много лет, изучил языки, нравы, обычаи. Без этого не выживешь, завалишь дело.

В Ханой вернулись через десять дней. Город встретил влажной духотой, ночью духота не спадала, спать под накомарником – мука. Жара в Камрани переносилась куда легче, к тому же рядом плескалось море. А тут ещё испытание: надвигался тайфун. К вечеру деревья в саду резиденции замерли, птицы примолкли, город словно накрыли тяжелой плитой, с юго-востока заходила туча с обвисшим, как вымя, подбрюшьем, где, как маленькие змейки, мелькали, извиваясь, молнии. Девушки вьетнамки, обслуживающие нас, спешно опускали жалюзи на окнах, убирали плетеные кресла с лоджии. Тайфун мог привести к обострению различных заболеваний. Взял тонометр, прошелся по номерам. Народ резался в карты. Встречали меня одним и тем же вопросом: “Доктор, сколько сегодня нальёшь?” – “В зависимости от вашего поведения”, – привычно отвечал я. “Мужики, давайте напоследок отметим доктора, – предложил начальник штаба группы Плаксин. – Вы посмотрите, какую власть взял!” – “Ша, как говорят в Одессе, – я поднял руку, – всем разойтись по койкам, буду измерять давление. Тайфун, братцы, дело серьёзное, с ним не шутят. У кого давление в норме, получит по сто пятьдесят”. “Попробуй, намерь у меня”, – мрачно сказал лётчик генерал-майор и показал кулак, которым вполне можно было колоть грецкие орехи.

Слава Богу, ритуал перед ужином нарушать не пришлось. “Фронтовые” сто грамм снимали депрессию, улучшали настроение. К тому же алкоголь повышает кислотность в желудке, и это снижает риск подхватить амёбную дизентерию и другую экзотику. В группе был единственный трезвенник – полковник Владимиров из главного инженерного управления. “Не подумайте, что я лечился и всё такое, – сказал он мне в первый день, когда мы сидели рядом на приеме в посольстве, – просто я идеологический противник алкоголя”. – “Даже в небольших дозах?” – спросил я. “А какая разница?” – “Здесь, во Вьетнаме, я бы сделал исключение из правил”.

Владимиров едва не подвёл меня в самый последний день нашего пребывания в этой прекрасной стране. Протоколы и соглашение с вьетнамской стороны были подписаны, детали утрясены, завтра предстоит вылет в Москву, а вечером наша группа была приглашена на заключительный банкет. Карлов уехал за почтой, я укладывал чемодан, когда в номер постучал Владимиров; вид у него был испуганный.

– Что случилось?

– Понимаете, доктор, у меня второй день расстройство... Да и самочувствие неважное, знобит.

– Понятно. Пойдёмте в ваш номер, я должен вас осмотреть.

Пока шли по лоджии, я успел проклясть всех пижонов, которые не пьют водку по идеологическим соображениям. Надо же, в самый последний день!

Сомнений никаких: классическая клиника амёбной дизентерии, можно обойтись без микробиологических исследований – и так все ясно. Владимиров расстроился:

– Что же делать? Завтра вылет в Москву...

– Будем считать, что заболевание у вас проявилось... в самолёте. Возьмите с собой прокладку, полотенца, майки. Понимаете для чего? Прилетаем в Москву, я даю радио, и вы прямо с аэродрома отправляетесь на Соколиную гору, в инфекционное отделение. Амёбная дизентерия – серьёзное заболевание. Грех беру на себя. Как?

– На всё согласен, лишь бы домой... Может, мне водочки?

– Поздно, дорогой. Поверьте, европейцы, осваивающие тропики, были не дураки, пили по вечерам виски и джин с тоником. Профилактика, в том числе и малярии. В тоник входит хинин.

Пошёл к Юрию Алексеевичу. Когда я подходил к его люксу, гром саданул так, словно неподалеку рванул снаряд крупного калибра. И сразу полил дождь. Такой дождь я видел только в Гвинее – сплошная зелёная стена. Дождь сорвал ураганный ветер, с деревьев полетели листья, лепестки цветов – в этой радужной метели, как в замедленной съёмке, проплыли плетеное кресло, ярко-красный плед, наверху грохнули жалюзи, посыпались стекла. Я зачарованно глядел на клубящиеся, наполненные дрожащим светом тучи. Прошло несколько минут, и стало тихо. Позже выяснилось, что тайфун прошел стороной, лишь кончиком крыла зацепив Ханой.

Через два года я снова на пункте материально-технического обеспечения кораблей в Камрани. Причина: в районе строящейся военно-морской базы среди местного населения возникла эпидемия холеры, создалась угроза заноса инфекции.

Всё было, как и в прошлый раз: мост через Красную реку, шелестящий поток велосипедистов, синие увалы, рисовые поля и буйволы в озерах. Молчаливый майор, встретивший в аэропорту Ханоя, завёз меня в гостиницу и исчез, пообещав заехать утром.

Одно дело, когда летишь в составе делегации, и совсем другое, когда один. Меняется статус, уровень приёма, гостиница – с этим я давно смирился, но на этот раз меня, похоже, поселили в самой дешёвой ночлежке. Тусклая лампочка под потолком, спутанный накомарник на скрипучей кровати, отвратительный запах плесени. Кран в умывальнике издал печальный вздох и, уронив ржавую каплю, затих. Коридорный, улыбчивый парнишка, не знал ни русского, ни английского, пришлось объясняться жестами. В конце длинного, как кишка, коридора я обнаружил рукомойник, должно быть, сохранившийся с колониальных времен. В номере я спугнул двух крыс, проявивших интерес к моему чемодану. Я достал из сумки бутылку водки, пачку галет, стакан, – как советовали древние: “Всё мое ношу с собой”, – выпил, закурил и завалился спать, предусмотрительно спрятав вещи в платяной шкаф, напоминающий поставленный вертикально гроб. Несколько раз просыпался от писка: крысы гоняли по полу галету.

Меня разбудило пение птиц, я поднял жалюзи – мимо по широкой улице текла река велосипедов, мопедов, велорикш. Треск моторов, звонки велосипедов, пение птиц сливались в праздничную музыку. Майор, как я и предполагал, не явился. Я позавтракал в небольшом, чистом баре при гостинице. Кофе был превосходен. Нужно было что-то предпринимать. Вьетнам – страна небольшая, но добраться из Ханоя в Камрань – проблема, необходим подходящий борт, распоряжения, а день выпал субботний, что ещё осложняло ситуацию. С трудом дозвонился до дежурного по аппарату главного военного советника, тот никак не мог понять, кто я такой, пообещал навести справки и позвонить. Часа три я просидел у телефона и на аэродром попал, когда солнце косматым сгустком висело в зените. Капитану медицинской службы, доставившему меня к самолёту, я пообещал в красках обрисовать руководству, как

встречают главного специалиста, вылетевшего во Вьетнам по приказанию министра. Мои слова не произвели на капитана никакого впечатления. Выяснилось, что в самолете Ан-24 я лечу один, не считая, конечно, экипажа.

Капитан третьего ранга Шовгенов встретил меня приветливо. Симпатичный парень с загорелым лицом горца – потом выяснилось, что он адыгеец. По-видимому, Шовгенов был неплохо обо мне информирован. Пожимая руку, с улыбкой спросил:

– Юрий Николаевич, за что вам на флотах такое прозвище дали – Чёрный Полковник? По аналогии с греческими “черными полковниками”?

– Вроде того. В эпидемическом очаге я – диктатор. По-иному нельзя.

– Так ведь никакого очага нет. В нескольких километрах юго-западнее Камрани в небольшой рыбацкой деревушке есть случаи заболевания холерой. Рыбаки и крестьяне оттуда обычно снабжали нас овощами, фруктами, свежей рыбой. Мы этот канал перекрыли, установили карантин, выставили дополнительные посты. В деревушке работают вьетнамские врачи, были и у нас, доставили вакцину. Доктора привили контингенты, наиболее подверженные риску заражения. Справляемся своими силами.

– Вот я и посмотрю, как справляетесь. Информация, как вы знаете, прошла на уровне ЦК, начальство волнуется, нужно погасить тревогу. Спокойно, без суеты.

Шовгенов хорошо знал обстановку во Вьетнаме, владел вьетнамским языком. Коротко характеризовал старшего морского начальника в Камрани:

– Контр-адмирал Виктор Викторович Агапов – хороший моряк, дивизией лодок командовал, но что-то не срослось, его сюда направили. Строитель от Бога, благодаря его энергии база за короткий срок выросла, сами убедитесь. Строгий, требовательный командир, но с офицерами часто груб, на него в политуправление флота жалобы посыпались. Причём жалобщики упирают на то, что корабли боевой подготовкой не занимаются, личный состав работает в режиме строителей. А как по-другому? Сроки сжатые. Военные городки устраивать нужно. Жара, влажность дикая. Без железной руки в этих условиях ни черта не сделаешь. Народ здесь как-то быстро опускается, перестает следить за собой. Говорю это для того, чтобы вы поняли обстановку.

Камрань было не узнать. За короткое время выросли новые казармы, госпиталь, городок авиаторов, всего – более тридцати объектов, у причалов застыли с десяток кораблей. Одного обслуживающего персонала на ПМТО насчитывалось более трёх тысяч человек. Мичман-тыловик уговорил меня поехать посмотреть подсобное хозяйство. Мог ли я (да и кто-либо другой!) предположить, что четверть века спустя российское руководство выведет с базы наших моряков и само – без всякого давления извне – откажется от этого ценнейшего стратегического объекта?..

Проведением противоэпидемических мероприятий в Камрани руководил начальник санэпидотряда капитан медицинской службы Игорь Яковлев. Мобильные санэпидотряды для обеспечения оперативных эскадр, пунктов материально-технического обеспечения кораблей на Дохлаке и в Камрани пришлось создавать во второй половине семидесятых годов. Всегда приятно видеть реализацию своих идей. Игорь Яковлев – высокий, худой, загорелый парень представлял уже новое поколение военно-морских эпидемиологов. Мне нравился этот невозмутимый, чёткий в действиях капитан. Его не смущали высокие звания, и с тыловиками он вёл себя требовательно, жёстко.

Я по звеньям проверил весь комплекс противоэпидемических мероприятий, кое-что усилил, съездил к вьетнамским коллегам – опасность заноса инфекции на ПМТО была блокирована.

За несколько дней мотаний по жаре я ошалел, нужно было отдохнуть, расслабиться.

– Вези меня на пляж. Выкупаемся и снова за работу, – сказал я Игорю Яковлеву.

По небу скользили ошмётки белых облаков. Стоял полный штиль. В зарослях стрекотали птицы. Дороги восстановили, санитарный “уазик” бодро катил по бетонке, иногда подбрасывая задок. Нигде не было видно следов разрушений. Чувствовалась твёрдая рука Агапова. Разметки на дороге, каких и в Подмоскovie не встретишь.

Я огляделся:

– Куда это ты меня везёшь? Давай на офицерский пляж. Там песочек чудный. Я с прошлого раза помню.

Игорь Яковлев нахмурился. Занятный парнишка. Я ни разу не видел, чтобы он улыбнулся.

– Офицерский пляж закрыт, товарищ полковник.

– Закрыт? Почему?

– Там морские змеи.

– Какие змеи? Июль месяц. Миграция этих тварей давно закончилась.

– Командир базы запретил. Издан приказ.

– Чудеса какие-то. Ладно, я поговорю с адмиралом.

Вечером, вернувшись в свою каюту, где меня поселили на плавмастерской, я услышал плеск воды в ванной, постучал в дверь, крикнул:

– Виктор Викторович, можно я к вам через полчаса загляну? Есть разговор.

– Заходите, конечно, – отозвался адмирал.

За время, что я соседствовал с Агаповым, у меня создалось впечатление, что он спит часа два-три, не больше. И днём не добирал. Всё время на ногах. Приборщику каюты было запрещено стирать адмиральские рубашки. Виктор Викторович обстирывал себя сам. В ванной то и дело жужжала стиральная машина. Гладил адмирал тоже сам. В тропиках нужно часто менять одежду. Всегда в свежей рубашке, чисто выбритый, Агапов был нетерпим к малейшей расхлябанности. Неряшливый вид офицера или матроса приводил его в бешенство.

Адмирал сам зашёл ко мне:

– У меня приборка в каюте, извините. Какие проблемы, доктор?

– Виктор Викторович, вы закрыли офицерский пляж?

– А что прикажете делать? Боевые пловцы обследовали побережье и обнаружили в районе пляжа морских змей. Перекусают к чертовой матери.

– Змеи в Южно-Китайском море появляются во время миграции ранней весной. В прибрежной полосе они встречаются редко. Мне бы хотелось обследовать пляж. Тут ведь американцы с семьями купались, и ничего. Да и пляж замечательный и совсем близко.

– Зачем вам рисковать? И как вообще вы себе это представляете?

– Я – ныряльщик с опытом. Подстрахуют ваши боевые пловцы.

– Вы и змеями занимаетесь? Ну и профессию вы себе выбрали!

– Главком приказал. Куда денешься? Я вам книжку подарю о ядовитых животных моря и прибрежных районов суши. Готовили её специалисты из Военно-медицинской академии, я – один из редакторов. Книжка – практической направленности. Как отличить опасное животное? Как оказать первую помощь?

– Спасибо, это ценно. А то черт его знает, что матросы в руки берут. А здесь этих тварей... Коли нужно, действуйте. Я команду Стрешинскому дам.

– Кто это?

– Капитан-лейтенант, командир группы подводных диверсантов, мастер спорта по подводному плаванию. И парни у него лихие. Только осторожней. Мне за вашу безопасность перед Москвой отвечать.

Рядом с виллой, где жили подводные диверсанты, стоял американский танк, целехонький – заливай топливо, и вперёд. Я забрался на него, отдраил люк – изнутри пахло соляром, смазкой и чем-то кислым. Башня была развернута влево, градусов на двадцать, казалось, башенный стрелок выцеливает кого-то, укрывшегося в тропических зарослях.

Капитан-лейтенант Борис Стрешинский оказался худощавым, среднего роста загорелым парнем. В шортах, пестрой майке, кроссовках, он совсем не походил на командира диверсионной группы. Два матроса загружали в открытый джип снаряжение для подводного плавания. Стрешинский представился, окинул меня изучающим взглядом, сказал:

– Работаем в первом комплекте: гидрокостюм, ласты, маска. Там глубина максимум четыре-пять метров. Вам нырять приходилось, товарищ полковник?

– Почти четверть века занимаюсь подводной охотой. Белое, Черное, Красное, Каспийское, Японское моря, Индийский, Тихий океан. И все только в первом комплекте. Не люблю акваланг.

Борис улыбнулся:

– Тогда годится. У меня тоже кое-какой опыт есть. Правда, морские змеи...

– Вряд ли. Змеи мигрируют через Южно-Китайское море ранней весной.

– Но я их сам видел две недели назад. Почему и пляж закрыли.

– Что-то другое. Но всё равно меры предосторожности принять нужно. У вас шест есть?

– Есть. Метра два с половиной, бамбуковый шест, с рогатиной на конце. Американцы в Камрани дельфинов дрессировали. От них осталось. Сидорчук, тащи шест, он у меня в каюте.

Усатый мичман кивнул:

– Добре, я мигом.

Ехали впятером: Стрешинский, я, мичман и два матроса. Подводные диверсанты вооружены короткими карабинами со сменными гарпунами. Я такого оружия ещё не видел. Море напоминало розовый студень. Несмотря на раннее утро, было уже душно. Мы облачились в гидрокостюмы, снаряжение и вошли в воду. пляж роскошный, такой белый и тонкий песок я видел разве что на островах архипелага Дохлак. Подводный пейзаж здесь скуднее, чем в Красном море, живности меньше, гряда коралловых рифов пролегла южнее, там мир особый, а здесь, в лагуне, чистая вода, золотой песочек, на дне морские звезды.

Борис Стрешинский условным знаком показал, чтобы я плыл за ним. Боевые пловцы расположились веером. Целая операция. Особенно грозно выглядел мичман с бамбуковой рогатиной наперевес, карабин на шее. Как мне пояснили, гарпун выстреливается пороховым зарядом. Перезарядить – секундное дело. Гарпуны в специальном колчане, прикрепленном к поясу. На правой голени – нож.

Если в лагуне и в самом деле притаились морские змеи, всё это вооружение – пустой номер. Судя по литературе, морские змеи нападают стремительно и запросто прокусывают плотную ткань гидрокостюма.

Ко мне пристроилась стайка рыбёшек, они крутились вокруг, тыкались рыльцами в стекло маски, ограничивая видимость. Борис внезапно замер, завис на поверхности, широко расставив ноги, сделал предупреждающий знак. Я поднял голову и услышал его голос:

– Юрий Николаевич, вот они, целый клубок. Я же говорил. Может, не будем их трогать?

Я глянул вниз: на приглубом месте, в синеватой мути и в самом деле воорочался клубок змей. Отчетливо были видны полоски на продолговатых телах гадюк. Но что-то здесь было не так. Змеи были небольшого размера и едва колебались от подводного течения. Я взял у мичмана рогатину, приказал пловцам для страховки зависнуть надо мной, а сам нырнул. По мере того как я приближался к пёстрому клубку, сомнения нарастали. Змеи так себя не ведут, они не позволили бы к себе приблизиться, к тому же вместо голов у этих тварей были обрубки, вокруг которых шевелились щупальца. Ну конечно, это одна из разновидностей кишечнополостных организмов, возможно церитария, напоминающая морскую змею. Мимикрия.

Я подцепил рогатиной одну из церитарий, ухватил её у самого основания головы так, чтобы меня не коснулись щупальца, и стал медленно всплывать. По мере того как я приближался к поверхности и падало давление, церитария удлинялась, всё больше напоминая женский чулок. Стрешинский передернул затвор карабина. Я выплюнул загубник и крикнул ему:

– Отбой, Боря, это безобидная тварь

Стрешинский осторожно приблизился, глянул:

– Ну и ну! Как вы можете эту гадость в руки брать?

– Тебе это как-то не к лицу, Борис. Ты же боевой пловец.

– Я больше по людям, Андрей Сергеевич. Значит, купаться можно?

– Без проблем.

Стрешинский поднял руку и крикнул:

– Отбой! Всем на берег, можно купаться. Мы с полковником часок поохотимся у рифов. Не возражаете, Юрий Николаевич? Там лангусты величиной с моё предплечье. Сидят в расщелинах, лишь глаза голубыми огоньками светятся в темноте. Стрелять между глаз. Тут я вам сто очков вперёд дам.

Так и вышло. Борис застрелил двенадцать крупных лангустов, я – ни одного.

За иллюминатором лежала густая тьма, никакого проблеска жизни, словно иллюминатор открывался в потусторонний мир. Равномерно шелестел кондиционер, казалось, кто-то перелистывает страницы книги. В дверь каюты постучали, послышался голос Агапова.

– Доктор, зайдите ко мне.

Я глянул на часы: двадцать два пятьдесят. Поздновато для визита. Может, что-нибудь случилось?

В адмиральской каюте был накрыт стол, в центре, среди фруктов, красовались лангусты. На сервировочном столике напитки: джин, виски, какой-то диковинный ликер.

Агапов жестом пригласил к столу:

– Надо же отметить ваш героический поступок.

– Уже доложили?

– Система отлажена. Стрешинский признался, что струхнул, когда вы эту гидру за башку тащили.

– Какой там героизм. Безобидное кишечнополостное, вроде морского огурца.

– Не страшно, когда знаешь. Я тут полистал вашу книжку о ядовитых животных. Кошмар! Оказывается, я делал то, что нельзя делать. А как же матросы? Теперь проведу с офицерами семинар по этой проблеме. А они уж пусть с подчиненным личным составом занимаются. У американцев, французов, англичан опыт освоения тропиков солидный, а мы с чистого листа начинаем. Хорошо, хоть литература появилась, а то черт его знает, что делать. Пляж, ясное дело, откроем.

Засиделись за столом до тех пор, пока тьма за иллюминатором стала рассеиваться, редеть...

Незабываемое время!